

МАРЬЯ КОВАЛЕНКО

БЕССОННИЦА

НЕ СМОТРИ В ГЛАЗА СВОЕМУ ИСКУШЕНИЮ

Марья Коваленко

Бессонница

Серия «Горячий лед», книга 4

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67962422
Бессонница:*

Аннотация

Она сверкает на обложках глянцевого журнала и ведет собственную передачу на радио. Она успешна и красива, но платит одиночеством за то, что когда-то полюбила чужого мужчину.

Он не хочет ничего. Его дни – работа, а ночи – случайные женщины и борьба с бессонницей. После гибели жены на душе пепелище, и чувства больше не нужны.

Два одиночества. Их тянет друг к другу как магнитом. Тянет наперекор боли и страхам. Но возможен ли второй шанс для тех, кто уже не надеялся быть любимым?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	20
Глава 3	28
Глава 4	37
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Марья Коваленко

Бессонница

Глава 1

Не смотри в глаза своему искушению.

Любить чужого мужчину – адская мука. Любить, не надеясь на взаимность, чувствовать его горе без права утешить, беззвучно выть в подушку по ночам от своей боли, от его боли... И улыбаться днем, так, чтобы никто в этом сверкающем городе не узнал, как загибалась от отчаяния ночью – мой собственный ад. Из него невозможно выбраться, и даже потеря не смогла вытравить любовь.

Но разве у кого-то из нас был выбор?

* * *

Руслан.

– Вы кого-то потеряли?

– Себя самого.

– Извините?.. – Невысокий молодой проводник с усами-щетками уперся в меня удивленным взглядом.

– Простите, черт... – я потер лоб. Схожу с ума. Точно

схожусь. – Вы не видели женщину, молодую, блондинку? У нее на правой щеке под глазом родинка.

– Блонди-и-инку?.. С родинкой...

Проводник подумал, нахмурил брови, а я уже понял, что он ее не видел. Никто в этом гребанном поезде не видел мою жену! Двенадцать вагонов, девять купе, триста девяносто шесть шагов от тепловоза до последнего вагона. Ее нет нигде.

– Кажется, нет, – наконец произнес он. Что и требовалось доказать. – А во что она была одета?

Я вспомнил легкий сарафан цвета морской волны. Тонкие лямки, которые легко можно было стянуть вниз, чтобы добраться до груди. Свободный низ, который в одно движение задирался до талии, открывая вид на самые шикарные ноги на земле.

– Так что на ней было? – продолжил бесполезную игру в помощника проводник.

– Не важно, – я резко закрыл дверь в его купе.

До чертиков захотелось что-нибудь сломать... Или кого-нибудь.

Голова кипела, но я ничего не мог придумать. Где она? Какого черта здесь происходит? Ни одной остановки за последние два часа. Никаких происшествий.

– Света, милая, найдись, пожалуйста. Очень тебя прошу.

Словно чокнутый, вновь открыл дверь в холодный переход

между вагонами. Все по новой. Еще один осмотр. Липкая, как лента для ловли мух, тревога еще туже сжала грудь. До отчаяния остался всего один шаг.

Все жуткое, шокирующее происходит в нашей жизни неожиданно. Долбанное провидение рвет обычную жизнь на клочки и сворачивает от ужаса кишки в узлы. Ты, как космонавт, случайно отцепившийся от станции, смотришь на поручень в паре метров от себя и ничего уже не можешь сделать. Баллон кислорода за спиной – все, что осталось от надежд и планов.

Я ощущал страх физически. Паника колом подступила к горлу. С трудом передвигая ставшие вдруг тяжелыми ноги, двинулся по чужому плакатному вагону. Разговоры, звонкий смех дородной проводницы с рыжими кудрями и детский визг, словно по струнам, ударили по оголенным нервам.

Пришлось стиснуть зубы, чтобы не заорать: «Заткнитесь все!» А орать уже хотелось. Тревога напалмом выжигала все хорошее, и ладони сжимались в кулаки от ярости.

– Света, умоляю, – чужим, незнакомым голосом прошептал я в очередном проходе и чуть не поскользнулся...

– Черт!

Гладкие подошвы туфель заскользили по пропитанному чем-то мокрым ковровому покрытию. В самый последний момент перед падением я ухватился за ручку.

Вдох-выдох. Взгляд быстро охватил прямоугольник ковролина.

*Паника дошла до своего пика, и страх ледяными ручьями
растекся по телу.*

– Что за... – Я все же упал.

Как подкошенный...

*...с разрывающим глотку криком прямо на липкое крова-
во-красное покрытие.*

Звон будильника раздался в тишине спасительной трелью.
Дзын-дзын-дзын!

От звона свело зубы. Противно, как мелом по стеклу, но
я, словно из глубины, вынырнул из сна в реальность и потер
глаза.

Моя квартира.

Широкая кровать.

Простыня смята, и если бы не резинки по бокам, валяться
ей на полу.

Одеяло влажное, словно я пробежал в нем марафонскую
дистанцию.

Опять...

Не задумываясь ни на миг, открыл тумбочку и закинул
внутрь упаковку снотворного. Если бы кто-нибудь заглянул
на верхнюю полку, точно решил бы, что я коллекционирую
седативные препараты. Шизанутый нарик с пулей в голове.

Нужно возвращаться к книгам. Сложно, мучительно, но от
неевклидовой геометрии Лобачевского или теории Хокинга
о черных дырах я засыпал без снов. Весь остаток ночи пре-

вращался в черную дыру, и на утро меня не выворачивало наизнанку от собственного прошлого.

Луч солнца скользнул по фотографии жены на книжной полочке. Света словно подмигнула мне. Мягко, ласково, как умела лишь она. Глубоко, там, где все еще билось о ребра упрямое сердце, привычно кольнуло.

– Я устал без тебя, родная.

Возможно, когда-нибудь в моей жизни будет утро без этих слов, но пока тоска была сильнее.

* * *

Жанна.

Вечер того же дня.

Студия прямого эфира радиостанции «Лайф»

– Уверяю вас, все врут. Мужья говорят, что любят своих заплывших жиром бесформенных жен, наниматели уверяют, что ценят трудоголиков-подчиненных. Ложь повсюду.

В жестких высоких креслах напротив друг друга сидели две женщины. На каждой из них были огромные, полностью закрывающие уши студийные наушники фирмы «Beyerdynamic», а перед лицом – микрофоны. Больше ничего общего. Одна – невысокая, грузная шатенка, с глазами-щелочками и короткими прямыми волосами; вторая – стройная брюнетка, с высокой грудью, чуть вздернутым носом и пухлыми, словно созданными для поцелуев, губами.

Молчавшая до этого ведущая, включив свой микрофон, качнулась вперед.

– А любовь, по-вашему, существует?

– Я считаю, что любовь – это особая форма зависимости. Вначале инстинкт размножения толкает искать свою пару, а потом, когда партнер уже найден, подключается бессознательное. Комплексы, страхи, психотравмы детства припаивают к другому, прикрывая все это красивой, одобряемой обществом любовной ширмой.

– И нельзя любить другого просто так? – между бровей ведущей пролегли две складки.

– Самые лучшие для нас это мы. Если второй не пытается занять первое место на личном пьедестале, жить с ним можно.

Только многолетний опыт и железная выдержка помогли ведущей сдержать язык за зубами.

– Если верить вашей теории, – снова обратилась она к своей сегодняшней гостье, – любви без взаимности вообще существовать не может.

– Конечно!

– Даже если другой кажется самым лучшим? И любить можешь только его?

– Любить, не надеясь на ответ? – гостья бросила на свою собеседницу презрительный взгляд. – Это называется мазохизм, милочка. Мазохизм во всей своей красе.

По лицу ведущей сложно было понять, устроил ли ее та-

кой ответ. Красивые карие глаза светились все тем же светом, а на скульптурных алых губах играла многозначительная полуулыбка.

* * *

– Жанна! Жанна, да постой же!

Проклиная свои высоченные шпильки, я летела по коридору в сторону туалета. Желание вымыть руки с мылом было таким острым, что никакие просьбы выпускающего редактора не могли заставить остановиться.

– Жанна, да твою мать, куда ты так несешься?

– В уборную, Костя! – я резко распахнула дверь с табличкой «Ж».

– Да что с тобой такое? – как и ожидалось, табличка редактора не остановила. Не замечая удивленных взглядов, он вошел следом за мной и привалился спиной к стене возле умывальника.

– Какой черт в тебя вселился? – прокричал над ухом Костя.

Набрав полную пригоршню геля, я принялась старательно растирать его по рукам.

– С каких пор мое шоу без моего ведома переносится на другое время? – внутри все кипело от злости. Два года я выбивала себе вечерние часы, била все рекорды по рейтингам, и тут вдруг оказывается, что моя передача перенесена на обе-

денное время.

– Жанн, ты же знаешь, это идея нашего нового бигбосса.

– Он посчитал, что, поработав неделю на радио, знает, как лучше верстать сетку?

– Ты сама все понимаешь... – Костя поджал пухлые, как у девчонки, губы и опустил взгляд.

О, да! Я понимала. Я столько всего понимала, что хотелось материться в прямом эфире. Отличная получилась бы новость: «Жанна Орлова, номер один в топе самых сексуальных ди-джеев русского радио возмутилась из-за домогательств собственного босса!» Даже интересно, найдется ли хоть кто-то, кто поверит?

– Жанн, прости...

– Ни за какие коврижки я не буду с ним спать, – смыв гель, я набрала новую порцию и принялась снова намыливать руки. – Пусть Мисюров засунет свое предложение куда подальше, а если еще раз подкинет мне в передачу идиотку вроде сегодняшней – вообще будет вести эфир сам!

– Да не кипятись ты так.

– А я еще и не начинала! Вот когда вся радиостанция будет меня слышать, тогда, считай, разошлась.

– Ох, черт... – Костя подставил руку под воду и аккуратно побрызгал себе в лицо и на волосы. Как раз вовремя – рыжие кудряшки уже торчали во все стороны как антенны. – Слушай, а ты из-за Мисюрова так разозлилась или из-за своей сегодняшней писательницы?

От неожиданности я задела вентиль крана, и вместо теплой на ладони полилась ледяная вода.

– Костя, твою ж... Не говори под руку!

– Обалдеть, Орлова! Тебя тетка из себя вывела. Не думал, что у кого-нибудь это получится, – словно только что сорвал джек-пот, редактор вскинул руки вверх. – Йо-ху!

Испепелив своего выпускающего редактора, а заодно лучшего друга взглядом, я резко выдернула из держателя для бумаги три салфетки. Все, нужно было заканчивать. Дурацкий день. Идиот босс, да теперь еще и Костя туда же.

– Вместо того, чтобы шутки здесь шутить, – я ткнула редактора пальцем в грудь, – впредь проверяй гостей. Если Мишуров решил за нас взяться, мне нужно быть готовой.

С этими словами я развернулась и быстро направилась в коридор.

– Жанн!

– Все, Костя! У меня еще дела! – бросила, не оборачиваясь.

– Но кое-что важное забыл тебе сказать!

– Вечером! Все расскажешь на вручении премий.

Упрямый редактор еще метров двадцать пытался меня догнать. Для своей шарообразной комплекции он даже развил неплохую скорость. Прохожие оглядывались, но у меня были слишком веские причины для спешки, так что у Кости не было ни одного шанса.

Церемония закрытия сезона хоккейной Лиги в этом году проходила с размахом. Шествие гостей по красной дорожке, фанфары, прожектора, логотип КХЛ на большом экране у входа. Если бы в зал попал кто-то случайный, он точно решил, что перенесся в Голливуд и вот-вот собственными глазами увидит вручение знаменитых позолоченных статуэток мужчины с веслом.

Обстановка так и располагала для шоу с американским размахом. Однако случайных гостей в сверкающем бриллиантами и белозубыми улыбками зале не было. Уж тем более – здесь не было голливудских актеров.

В то время, когда запуганный новостями о кризисе рабочий пересчитывал крохи в кубышке, сильные мира сего собрались на вручении ежегодных премий своим любимчикам. Защитники, форварды, голкиперы – сегодняшний вечер был посвящен им.

Среди элегантно одетых мужчин не с первой попытки можно было вычислить хоккеистов. Вместо хоккейных форм роскошные костюмы преображали гладиаторов ледовых арен до неузнаваемости. Даже я, потратившая две недели на изучение хоккейной элиты, спутала двух игроков с бизнесменами средней руки.

Хотя, вполне возможно, моя ошибка произошла из-за

другого...

Больше года прошло с тех пор, как я видела Руслана последний раз. Для меня это был очень тяжелый период: новое шоу на радио, концерты, закрытые вечеринки, бесконечные съемки и еще сотня маленьких и больших дел.

Я за уши вытаскивала себя из кошмара, в котором прожила предыдущий год. Не рыдала в церкви возле квадратного подсвечника или дома, держа в руках фотографию погибшей подруги. Не каталась каждый вечер через весь город, чтобы заставить поесть ее мужа. Не сходила с ума от раздирающих душу чувств: безнадежной, опустошительной любви к этому мужчине и горечи нашей общей утраты.

Я даже перестала просыпаться по ночам от собственного крика. Почти перестали сниться поезда и кровь. Стала ли я прежней? Это был самый сложный вопрос.

За стеной сплетен, которых в последние два года родилось слишком много, рассмотреть настоящую Жанну Орлову стало трудно. Слишком много натянутых улыбок, слишком много фоновых мужчин. Красивая маска приклеилась намертво, и даже я сама не всегда помнила, кто за ней.

Прошлая я порой казалась нынешней мне незнакомкой. Я помнила, что всегда много работала. Иногда со Светой мы вырывались отдохнуть, и я возвращалась к настоящей жизни в ее теплых лучах. Помнила, что когда-то хотела большую семью, двоих или троих детей. Мечтала об уютном домике за городом. А еще, как дурочка, с первого взгляда влюбилась

в потрясающего мужчину, который из двух подруг безошибочно выбрал лучшую.

Смешно: мужчины всегда западали на меня, а цветы таскали Свете, моей полной противоположности, доброй фее с большим сердцем и чистой душой ребенка. Мне обещали звезды и луну, ей тепло и верность. Меня хотели, ее любили... Если я была бы мужчиной, тоже выбрала ее. Не думая!

– Обалдеть, Орлова! Тебя не узнать!

Вот уж действительно было обалдеть. Среди сотен мужчин первым меня заметил собственный выпускающий редактор. Впору было задуматься о преследовании.

– Костя, – я повернулась к говорившему. Пижонский голубой пиджак, залитый лаком рыжий чуб, новые очки – друга было не узнать. – Спасибо, конечно, за комплимент, но что ты здесь делаешь в таком виде? Для гостя как-то уж очень ярко.

Вместо ответа Костя поправил бабочку и смахнул невидимую соринку с лацкана.

– Нет! – я догадалась, на что он намекает. – Этого не может быть!

– Ну не только ж тебе сверкать на сцене, – мой редактор цвел как майская роза.

– Да ты уже наверное забыл, как микрофон держать.

– Ты ко мне несправедлива!

– Твой последний эфир был при царе Горохе. – Какими бы наши отношения не казались со стороны, но Костю я никому

не дала бы в обиду. Даже ему самому. – И точно помню – в сетке ведущих не было твоей фамилии. Только среди гостей!

– Ну... – друг опустил взгляд в пол. – Для того, чтобы вынести на сцену цветы самой красивой болельщице не обязательно помнить, как держать микрофон.

От сердца отлегло. Отпаивать коньяком после шоу никого не придется, и выдумывать байки, что заикание это модно – тоже.

– Ну, раз ты сегодня «принеси-подай», то ладно. Если хочешь, могу еще тебя в помощники моей подавальщице статуюток записать. Приз за наибольшее количество голов в чемпионате все будет поувесистее букета цветов.

– Вот правду говорят, что ты циничная су, – с показной обидой проворчал Костя.

– Правду, – не стала спорить. – И про «циничную су», и про «алчную тва». Другим всегда виднее. У них особый глазомер.

После признания мной своих грехов Костя сдулся. Даже морщинки на лбу расправились.

– Блин, – неожиданно спохватился он, – я ж тебе главное забыл сказать. И утром не успел, и сейчас чуть из головы не вылетело.

– Слушаю, – от нехорошего предчувствия у меня внутри все сжалось.

– Твой тайный поклонник опять объявился. Вера Пална после утреннего эфира нашла коробку под твоим столом... –

Костя замялся.

– Что в ней? – кровь отлила от лица.

– Мы не хотели открывать... Ну мало ли, может там был подарок, но запах...

– Говори, что внутри, – изображать беззаботность было непросто, но я очень старалась. Хватит нам и дерганной вешушкой, пусть хотя бы редактор останется спокоен.

– Там оказалась детская машинка. Старая. У меня такая была в детстве. И... Голубь. Мертвый.

Я мысленно выругалась. С машинки и голубя все началось три года назад. Закончилось залитой красной краской куклой. Может быть было и еще что-то... Чтобы сберечь мою психику, Костя вполне мог утаивать информацию, но из-за гибели Светы я тогда полностью выпала из жизни и разбиться ни с чем не стала.

– Охрана, как обычно, никого подозрительного не видела? – можно было и не спрашивать.

– Нет, – друг развел руками. – Они и камеры проверили. Коробку на этаж никто не вносил.

– Почему-то я не удивлена.

– Может, полицию вызовем?

– Ага. И ГРИНПИС! Голубя предъявим, – я потеряла виски, голова начала болеть, а мне еще предстояло взойти на сцену.

– Но что-то делать нужно? В прошлый раз он следующую коробку тебе под квартиру подкинул.

– Может, ничего и не будет, – попыталась отмахнуться.

– А если будет? – Костя вцепился в меня как клещ. – Ты помнишь, как тебя в прошлый раз колотило? Я лично помню хорошо. И повторения не хочу.

– Не пугай меня.

– Жанн, давай все же обратимся, куда следует.

– Костя, да это детский сад! – я уже начала заводиться.

– Я от тебя не отстану. Или вызывай полицию, или поживи у меня пару дней.

– Ладно... Давай так: я пару дней поживу в гостинице, все равно из-за нового проекта эту неделю только спать домой езжу. Если все хорошо – забываем. Если коробка будет – сама вызову полицию.

– Но ты обещаешь?

– Клянусь!

– Честно-честно? – Костя сощурился.

– Я тебе хоть раз врала?

– Ты умеешь мастерски не договаривать.

– Всего лишь берегу твою и мою нервную систему. Скажи спаси...

Договорить я не успела. Вы наверняка слышали выражение «сердце в пятки ушло». Это, когда стоишь на вершине горы над пропастью, но вдруг порыв ветра резко ударяет в спину, и ты падаешь. Тоже самое произошло и со мной. Большая теплая ладонь легла мне на талию, на пару сантиметров ниже глубокого выреза, и сердце рвануло вниз.

Не нужно было оглядываться, чтобы понять, кто рядом. Не нужно было спрашивать. На огромном голубом шарике под названием Земля был только один мужчина, от прикосновений которого все мои нервные окончания коротило.

Прошел год, пять месяцев и шестнадцать дней. Я надеялась... Я сделала все, чтобы эта зависимость исчезла...

Время не лечит.

Глава 2

Жанна.

Вместе со шрамами мужчины на душе оставляют еще и знания, опыт, который позволят лучше ориентироваться на минном поле отношений. Словами, действиями они утверждают власть или дарят радость. Прикосновениями передают свои эмоции и признаются в чувствах.

Можно очень многое рассказать по тому, как мужская рука лежит на талии женщины. За свою жизнь я стала настоящим экспертом в этих маленьких невербальных сигналах. Если бы меня попросили составить карту значений, она выглядела бы так.

В первую очередь значение руки зависит от места: бок или спина. Бок, когда партнер полуобхватывает свою даму – это уверенность, защита, утверждение самцом прав на самку. В таком захвате особо не подвигаешься, свобода ограничена, но для двоих она уже не важна.

Рука на спине – вот настоящий тест отношений. Здесь имеет значение нажим, раскрытая ладонь либо закрытая. Важен каждый миллиметр от лопаток до пятой точки, и даже пару сантиметров вниз или вверх могут означать полностью диаметральные чувства.

Не верите? Присмотритесь внимательнее, как лежат ладони на спинах дам в блистательных и зачастую фальшивых

голливудских парах. Как поддерживают своих спутниц кавалеры в монарших семьях. Как прикасаются ваши собственные друзья, мужья, любовники, братья.

Видите разницу? Высота расположения руки на спине – это супертест! Результат может огорчить или обрадовать.

Итак... Сознание отключено.

Важный для вас объект подходит ближе.

Короткое приветствие.

Контакт.

Сделано. Тест завершен. Заберите результаты и распишитесь.

Рука между лопаток – контроль, защита.

На талии, как раз на уровне ремешка – уверенность, спокойствие, дружба.

Чуть ниже талии – интерес, желание.

Еще ниже, почти на ягодицах – небрежение.

Рука мужчины, который подошел ко мне сейчас, легла в пограничной зоне между «дружбой» и «интересом». Мягко, уверенно, между надеждой и разочарованием... Вот так, одним движением, еще до приветствия Руслан Игоревич Серебряков, главный менеджер хоккейного клуба «Северные волки» и муж погибшей подруги развеял все мое напускное спокойствие.

Одно касание, и сердце пустилось вскачь, как заяц, а ноги стали ватными. Все-таки время – хреновый доктор. Липовый. Оно способно состарить, покрыть морщинами лицо.

Но против моего наваждения оно бессильно.

– Жанна? Здравствуй.

Тихий бархатный голос вирусом проник в мой мозг и перезагрузил систему. Сохраниться ни одного шанса. Ни уверенности в себе, ни понимания, зачем я здесь – ничего не осталось. *«Вас приветствует Виндовс. Введите пароль или продолжайте паяться в монитор».*

– Руслан?!

Защитный покер-фейс не удержался. Уголки губ сами поднялись вверх. Полтора лет словно и не было. Ничего не было.

– Раз здесь ты, значит, организаторы в этом году расстались, и нас ждет приличное шоу? – Руслан улыбнулся в ответ, а у меня от его улыбки внутри внезапно распустился свой собственный сад бабочек. Порхают, сучки. Переливаются всеми цветами радуги.

– Ты все же научился льстить? – смотрела на него, а самой не верилось. Все те же морщинки-лучики у глаз, знакомый внимательный взгляд из-под бровей, колючий волевой подбородок с ямочкой, к которой так и хочется прикоснуться.

Из какого камня вырезают таких мужчин? Внешне гранит и одни острые углы: высокий лоб, аристократический прямой нос, жесткая линия губ. А внутри... Свет так и льется из серых глаз. Плавит любые льды. И пусть сейчас не такой яркий, как два года назад, но мне хватает. Хочется кошкой свернуться у него на коленях и начать мурлыкать от насла-

ждения. Не наказание ли это?

Зря я согласилась участвовать в шоу. Экспериментаторша хренова. Лабораторной мышке все так же больно. Выздоровления не было, лишь короткая ремиссия – не более. Словно пес, почуявший опасность для хозяйки, Костя встревожено посмотрел на меня с Русланом. «Поздно, Костя! Утопающий против спасения».

– Вряд ли когда-нибудь осилю науку льстить. – Взгляд Руслана, не задерживаясь ни на чем, заскользил по моему короткому алому платью. – Прекрасно выглядишь. Правда.

– Спасибо. Все мужчины мои.

– Уцелевших не будет.

– Жанн, – видимо, почувствовав себя лишним, Костя взял меня за руку, – я пойду. Удачного выступления. И подумай о гостинице. Не стоит рисковать... дома.

Я готова была сквозь землю провалиться. И какой черт дернул его за язык?

– Хорошо, я обо всем подумаю, – стараясь как можно скорее избавиться от болтливого редактора, я похлопала его по плечу, но было поздно. Мяч оказался уже в корзине.

По лицу Руслана пробежала тень.

– У тебя проблемы? – выражение лица в одно мгновение сменилось с радушного на напряженное.

– Нет, все...

Договорить мне не дали.

– У нее проблемы, но она не хочет их признавать, – ско-

роговоркой выдал рыжий предатель.

– Что происходит? – Руслан даже не посмотрел на меня. Он нашел источник информации и тут же засучил рукава. «Плохо. Очень плохо!»

– Поклонник какой-то, – счастливый тем, что нашел сообщника, Костя, кажется, и не думал держать язык за зубами. – Посылки ей шлет... С не самым приятным содержанием.

– В полицию обращались?

– Нет. Я бы с радостью, но Жанна упирается.

– Настолько, что готова ночевать в гостинице? – Руслан покосился на меня.

– Так, все! – не в силах больше терпеть этот мужской междусобойчик, я наконец взорвалась. – У меня все в порядке! Это просто чья-то неудачная шутка.

Надежда, что мне поверят, рухнула спустя пару ударов сердца.

– Подробности расскажешь? – серые глаза сузились в щелочки.

– Нет, – попыталась равнодушно отмахнуться. – Ничего особенного не происходит.

– И все же?

– Не хочу грузить тебя своими проблемами. Справлюсь сама, – шах и мат. Граница проведена, вмешательство под запретом.

От того, как губы Руслана сжались в нитку, у меня внутри

все заледенело. Не ожидал. Привык к другой Жанне, к мягкой, услужливой, милой. К той, которая впихивала в него еду, чтобы не умер от истощения, и заставляла гулять по свежему воздуху. «Прости, родной, что огорчила. Прости, мой хороший, но твоей заботы я точно не перенесу».

– Значит, все-таки гостиница? – он потер лоб и с укоризной посмотрел на меня.

– На пару дней, чтобы Костя успокоился.

– И помощь не примешь?

Этот вопрос напомнил проверку на стойкость. Будто мы еще ничего не решили, а всего лишь торгуемся.

– Да она и не нужна. Правда, – я растянула губы в улыбку. Вряд ли она его отвлечет, но мне до чертиков нужна была передышка в этой битве. – В гостинице мне будет удобно. Не привыкать с разъездной жизнью.

Предатель Костя уставился на Руслана как на идола. Кто бы мог подумать, что после десяти лет на радио и телевидении дар Серебрякова вызывать в людях поклонение подействует и на него. Бандерлоги перед Каа так шеи не вытягивали.

Впору начинать молиться, чтобы Руслан ничего не придумал. Пусть бы пожал своими широченными плечами, посмотрел на меня как на клиническую идиотку, но ушел. От улыбки уже скулы начали болеть. «Ну, пожалуйста, Руслан, иди!»

– Мда... Ясно.

Он колебался лишь миг. Стоило раскатать губу, что все закончилось, как Руслан достал из кармана брюк небольшую связку ключей и один из них, отстегнув, передал мне.

— Это от Светиноного дома на окраине. Все никак не решусь его продать.

Меня прибило, как пыльным мешком. «Он предлагает мне жилье?» Посмотрела на ключ, не мигая, а в памяти воскресли уютный деревянный домик и наполненные смехом, португальским портвейном и чтением любовных романов солнечные дни за городом.

— Бери! — Руслан взял мою руку и сам вложил ключ. — Дорогу ты знаешь. Только еды там нет. Я редко навещаю, нет смысла затаривать холодильник.

Умом я понимала, что нужно отказаться. В гостиницу и то не собиралась. Врала, чтобы успокоить Костю. А тут дом... Старый, с воспоминаниями и, наверняка, слоем пыли на всех поверхностях. «Верни ключ! Оно тебе нужно?» — возмущенно отрадировал здравый смысл. Он был настолько прав, что и спорить с собой, казалось, незачем. «Верну, обязательно верну!» — тут же заверила его я, но Руслан отрицательно покачал головой, и вся моя мудрость куда-то улетучилась.

Всего один жест, и птичка снова попалась в силки. Может, поэтому я так безнадежно влюбилась в него? Он не оставлял даже иллюзии выбора. Все мои колючки втягивались сами собой, и вместо гордой независимой Жанны моим телом

и мыслями управляла совершенно незнакомая, покладистая женщина. Нелюбимая, беззащитная... От него и от себя.

Глава 3

Жанна.

Микрофон действовал как инъекция адреналина. Стоило только выйти на сцену, улыбнуться зрителям, и все напряжение из-за встречи с Русланом исчезло. От соведущего, как конфетти, посыпались сальные шутки, призер и почетный гость взглядами приклеились к моему декольте. Обычная жизнь накрыла куполом, я снова стала Жанной, слишком знакомой многим, чтобы быть собой.

На публике всегда становилось легче. Сколько бы раз ни поднималась на сцену, сколько бы ни говорила на радио «Добрый вечер, слушатели, с вами Жанна Орлова», эффект всегда был одним – реальность со всеми ее проблемами и радостями оставалась за кормой. Смех, аплодисменты, громкая музыка – белка прыгала в колесо и начинала крутиться. Ни секунды покоя, ни одного свободного вдоха.

В Древней Греции развлекать богачей нанимали гетер, нынче – приглашали ведущих, актрис и моделей. Чем больше знаменитостей, чем шире улыбки – тем выше рейтинг мероприятия и его организаторов. Обычно меня хватало надолго, было в богатом опыте хоть что-то хорошее. Но сегодня к окончанию шоу от натянутой улыбки и фотовспышек голова просто раскалывалась.

Хорошо хоть шампанское, бокалы с которым мне подсо-

вывали все подряд, удавалось незаметно оставлять на столиках и подносах официантов. Последний пьяница не выпьет столько, сколько пытались влить в меня, а ведь алкоголя не хотелось вообще.

Несмотря на боль, мозг работал как часы. Срок действия гипнотизирующего взгляда Серебрякова истек, и все мои мысли сосредоточились на небольшом кусочке металла, лежавшем на дне сумочки. Ключ не давал покоя. С ним маленький клатч стал весить, казалось, несколько килограммов. Он тяготил, мешал работать и наслаждаться шоу.

Мне нечего было делать в домике Светы – чужое жилье, чужая жизнь. Спокойнее было без такого искушения. Однако, как назло, Руслана не было видно нигде. До конца банкета мы так больше и не пересеклись. На вопрос «Где главный менеджер «Северных волков»?» коллеги по клубу пожимали плечами. С ним успел обменяться рукопожатием каждый, организаторы даже поделились мнениями о закончившемся сезоне. Но вот когда он уехал, не знал никто.

Руслан исчез так же незаметно, как и появился. Счастливый обладатель собственного времени! Он никого не развлекал, никому не отчитывался, мне же не оставалось ничего, как временно смириться с наличием в сумочке ключа, а на задворках сознания – с мыслью воспользоваться предложением.

В раздразе я добралась домой. Осторожно, словно ожидала письмо со спорами сибирской язвы, проверила почтовый

ящик. Поднялась по лестнице на свой третий этаж.

Все же я лгала Косте, когда утверждала, что не боюсь сюрпризов. На публике образ «крепкого орешка» мне удавался хорошо, но в одиночестве в голову лезли всякие страхи. Так уж повелось, но со смелостью дружбы у меня не получилось. Два года назад в поезде, когда исчезла Света, я пережила первую в своей жизни паническую атаку. Это был настоящий ад: слабость, головокружение, ощущение, что схожу с ума. Врагу не пожелаешь, и та атака, к сожалению, не стала последней.

Тогда у паники был повод. Запретив мне подниматься со своего места, Руслан метался по вагонам пока не нашел мертвую, ударившуюся виском о металлический косяк жёну, а я тихо сходила с ума в ожидания новостей. С тех пор шоковых ситуаций не было. Даже на дороге меня почему-то перестали подрезать. Но паника... Стоило только появиться маломальскому поводу или переутомиться – она накрывала с головой, и спасения не было.

Сейчас я тоже ощутила тревогу. Зря все же Костя рассказал о находке в офисе. Может, повторения и не было, может, просто чья-то злая шутка... Очень хотелось поверить, что так оно и было, но тревога уже пустила корни в моих мыслях.

К двери квартиры я подходила, как сапер к заминированному помещению. Не обнаружив коробки у входа, справилась с замками и нырнула вовнутрь. Быстро и без единой заминки. Оставалось как-то справиться с дурацкой слабостью,

превратившей ноги в деревянные ходули.

Паника не отступила. Два поворота ключа и задвинутая до конца цепочка даже близко не помогли справиться со страхом. Если хотя бы собака была дома... Нужно было быть настоящей дурой, чтобы завести пса и из-за сумасшедшего графика постоянно сплавлять его к соседям или родителям. Самая заботливая хозяйка в мире! Поражаюсь, как он еще узнавал меня и давал лапу.

Мысленно представив, как бы запустила руки в густую плотную шерсть овчарки, я сбросила платье, наспех приняла душ и вошла в удобную домашнюю одежду. С учетом того, что обычно я сразу забивалась в угол дивана и ждала, когда отпустит, это был успех. К несчастью, на более долгий срок фантазии не хватило. Скрежет ключа в замочной скважине соседской квартиры выкосил под ноль зачатки моего спокойствия.

Можно было сколько угодно пытаться дурачить себя, но один факт пришлось все же признать: выбора не существует. У меня было несколько путей: перестать вздрагивать от шорохов в коридоре и остаться дома или собрать самое необходимое и на пару дней съехать в гостиницу. А еще... Можно было отправиться за город.

Чем больше я отрицала последний вариант, тем сильнее хотелось поддаться. Свежий воздух, никаких посторонних и необходимости что-либо изображать. Родное, близкое сердцу место. Чаши весов «за» и «против» колыхались каждую

минуту. К ночи они уже напоминал взбесившийся вентилятор, и я, наконец, бросила бесполезную борьбу с самой собой.

* * *

Руслан.

Интересно, кто же все-таки придумал легенду, что кофе вымывает кальций из организма: настоящие медики или британские ученые? Будь это правдой, во мне кальция не осталось бы совсем. Стоявшая передо мной чашка эспрессо была пятой за день. Уже даже секретарша начала прозрачно намекать на передозировку кофеина, но я все равно пил.

Черт с ним, с кальцием! Прошлой ночью организм снова играл в перетягивание каната. Сон не шел. Усталость за долгий день к вечеру сменилась бодростью, а привычные способы не помогали. Телевизор и книги не смогли заставить даже зевнуть. Можно было еще вызвонить Анну, и отправиться к ней за своей дозой секса. Она не отказывала ни разу за время нашего знакомства. Только мысль о разговорах «до» и «после» сводили всю привлекательность варианта на нет.

За сколько ночей молчащий после близости мужчина превращается в «ублюдка»? Я, наверное, давно уже сдал на этот разряд. Спустя год после ухода Светы подтвердил кандидатский минимум, а теперь уже – мастера. Марины, Светы, Тани... Я не знал, откуда они появлялись, и не утруждался мыс-

лями – почему исчезали. Еще одно средство борьбы с бессонницей, не более.

Когда теряешь близкого человека, внутри образуется черная дыра. Поначалу кажется, что ее можно заполнить. Заталкиваешь в нее алкоголь, работу, женщин, увлечения. Чтобы уменьшить боль, пихаешь без разбора все, что есть. Но время идет, а дыра не уменьшается. Она остается именно того калибра, каким был твой близкий. Постоянная величина. Все, что остается – научиться терпеть. Существовать... как-то.

Я существовал. С виду – неплохо. Если бы еще не приступы бессонницы...

Часы на экране монитора показывали шесть вечера. Это означало еще пару часов сонливости, а потом откроется проклятое второе дыхание. Чем сегодня спастись: секс, физика, сериал? Или надеяться, что очередное обострение прошло, и к часу вырублюсь сам?

Мысль о сне заставила зевнуть.

– Держаться, не спать, – вслух приказал я самому себе и, словно ответ из космоса, телефон чуть заметно завибрировал на столе.

Имя вызывающего абонента оказалось сюрпризом.

– Жанна? Привет.

– Привет, Руслан, я надеюсь, тебя ни от чего не отвлекаю, – непривычно, скороговоркой проговорила Орлова.

– Нет. Еще в офисе, но уже собирался ехать домой.

– В любом случае, прости. Я на минутку.

– Да хоть на час. Отвлекай на здоровье.

– Эм... Я все же воспользовалась твоим предложением, и сейчас в домике. Но у меня проблема – воды нет. Вообще. Может, что-то перекрыто?

Тон у Жанны был извиняющийся, словно она не ко мне приехала, а вошла в чужой дом.

– Не помню, чтобы я перекрывал трубы, но глянь в подсобке. Там есть щиток. Вентиль всего один, не ошибешься.

– Да, знаю, уже нашла.

– И как?

– Я вчера пробовала. Не помогло.

Слово «вчера» заставило поморщиться. Значит, уже второй день она в доме и только сейчас решилась позвонить. Неужели уже даже свои начинают меня бояться?

– Так... Раз вентиль ты проверила, и не помогло, значит, проблема не в доме. – Я отложил ручку и задумался. – Жанна, а проверь почтовый ящик. Может, товарищество к летнему сезону готовится и ремонтирует что-то.

– Думаешь?

– В прошлом году в апреле подобное было. Если я прав, в ящике будет уведомление. Они всегда предупреждают.

– Да? Сейчас гляну.

Вопреки славной женской традиции Жанна не стала прижимать телефон к уху или отключаться. Последнее, что я услышал в трубке, был чуть слышный стук – скорее всего

телефон лег на какую-нибудь поверхность. Лишь спустя минуту Орлова снова заговорила.

– Ты был прав. У них профилактические работы. Очень извиняются и сообщают, что вода будет только завтра, – Жанна вздохнула. – Се ля ви. Все-таки не надо было мне приезжать.

Впервые за время разговора Орлова позволила себе показать эмоции. Значит, в отношении меня еще не все потеряно. Не чужой.

– И ты так быстро сдашься? – подначил я ее.

– У меня нет больше воды. Питьевая, которую прихватила из дома, закончилась.

– Вообще-то я имел в виду кое-что другое, – меня внезапно озарило. Пожалуй, книги и телевизор на сегодня можно заменить свежим воздухом. – В доме есть автономная система со скважиной. Старенький «Родничок». Его еще отец Светы монтировал, а он все делал на совесть.

– Так... Это хорошая новость, – голос Жанны звучал уже бодрее. – И как его включить?

– Просто. Включается он очень просто, – мое настроение поднялось сразу на несколько уровней. – Ты просто сядишь на диван, включаешь телевизор и ждешь.

– Ээ... Чего жду?

Глянув на затянутое тучами небо за окном, я выключил компьютер.

– Правильный вопрос не «чего», а «кого».

– Руслан, ты собираешься приехать? Нет! Не нужно! Честно.

Возможно, я ошибался, но в голосе Орловой мне послышались панические нотки.

– Жанн, да все в порядке.

– Но правда... Я не хочу создавать тебе проблемы или срывать планы.

– У меня в планах был только ужин, так что успокойся и жди.

– Но, может, все-таки не нужно...

Пожалуй, я слишком рано вычеркнул себя из монстров. Если уж Жанна стеснялась принять мою помощь, то на свете не осталось никого, кто бы о ней решился попросить. Удручающий расклад.

– Я уже выезжаю, – оборвал я свою гостью, пока она не придумала какую-нибудь уважительную причину, почему ехать не нужно. – Минут через сорок буду. Ты окинь женским взглядом, что там еще нужно, а я по дороге заеду в магазин и куплю.

Глава 4

Руслан.

Чем дальше я удалялся от офиса, тем больше нравилась идея с поездкой на дачу. Старый домик был Светиным излюбленным местом, куда я допускался лишь в качестве извозчика и снабженца. С моим графиком жить за городом было невозможно, а Света и Жанна летом пропадали там почти все выходные.

Маленькое женское царство с удобствами, уютной гостиной, крохотной спальней и лужайкой, на которой, кроме травы, наверное, отродясь ничего не росло. Для Светы это было место уединения, такое же, как для меня надежно охраняемый вышколенной секретаршей личный кабинет. И вот сейчас в домике меня ждала Жанна.

Наша память в чем-то похожа на память мобильного телефона. Когда мы вспоминаем о ком-то, она тут же показывает закрепленную за абонентом фотографию. С одного взгляда мы узнаем, кто это. Именно таким мы представляем «контакт», хотя за свою жизнь могли его видеть и в другой одежде, и с другой прической.

При мысли о Жанне я тут же вспоминал ее такой, какой она была в нашу вторую встречу. Головокружительно высокие каблуки, платье, оставляющее мизерный простор для фантазии, и влажные, выносящие из головы последние цело-

мудренные мысли, губы.

Это покажется смешным, но цвет ее глаз я смог рассмотреть только на пятой или шестой встрече. Тогда мы со Светой уже встречались, и удовлетворенное либидо не вставало в стойку от Жаннинных губ. Четыре года прошло с тех пор, несколько месяцев она практически прожила рядом, вытягивая меня из кошмара, но память все равно подсовывала ее прежний ослепительный портрет.

Всевышний здорово постарался, создавая лучшую подругу моей жены. И внешне, и внутри. Странно было, что до сих пор никто не нацепил на нее обручальное кольцо и не посадил под замок.

* * *

Когда мой Рендж Ровер въехал на территорию дачного поселка, небо уже стало иссиня-черным. Тучи заволокли его от горизонта до горизонта, и вот-вот должен был начаться дождь. Возможно – первая гроза этой весной.

Смолчи Орлова о проблемах с водой, вполне могла бы принять душ под дождем. На миг представив королеву радио под холодными струями дождя, я усмехнулся. Поселок точно не пережил бы такого шоу, во всяком случае, его мужская часть.

– Сейчас всех спасем, – припарковав машину у цветастого заборчика, я заглушил двигатель.

По сценарию сейчас ко мне должна была выбежать Жанна. Как всегда – при параде и на высоченных шпильках. Какие, к черту, каблуки в этой глухомани – я и сам себе объяснить не мог, но воображение упорно рисовало свое.

– Руслан? – вместо торжественного дефиле из-за двери высунулась голова. – Ты уже приехал?

Необъяснимая женская привычка спрашивать об очевидных фактах разила наповал.

– Приехал. Я. Уже, – прихватив с соседнего сиденья пакет с продуктами, я направился к дому.

– Так быстро?... – теперь уже вся Жанна замерла в дверном проеме. Босиком. В потертых джинсовых шортах и завязанной узлом на животе клетчатой рубашке. Ни туфель, ни платья с блестками.

– Пробок не было, – я еще раз окинул ее взглядом от ног до собранных в высокий хвост волос и с трудом удержался от желания присвистнуть. Полный разрыв шаблона.

– Аа... Это хорошо.

– Не спорю, – решив не продолжать наш содержательный разговор, я протянул Жанне пакет. – Список покупок от тебя я так и не получил. Что сам выбрал – то и привез.

Все-таки с Орловой точно что-то было не так. Она вначале внимательно посмотрела на пакет и только потом взяла его.

– Колбаса, овощи, сыр и вино, – пока кое-кто не впал в очередной ступор, я сам перечислил содержимое. – Вряд ли удастся вернуться до дождя, – взглядом указал на небо, – а

с голодухи я злой.

Реакцию Орловой нужно было видеть! И без того немаленькие глаза стали похожими на блюдца.

«Черт, может, она не одна, и я помешал!» – запоздало пришла догадка. Не представляю, как я изначально об этом не подумал. Это ведь Жанна! Армия поклонников вечно следовала за ней по пятам. На кой ей дружеский вечер со мной, если ждало развлечение получше?

– Спасибо, – впервые за время нашего странного диалога Орлова улыбнулась. – Проходи. На самом деле еда у меня есть. Воды нет. А так даже вино в наличии.

От сердца отлегло. Все же я не нарушил ничьи интимные планы своей проснувшейся через год благодарностью.

Закончив с приветствием и передачей продуктов, я закатал рукава и принялся за дело. Пока дождь не накрыл поселок, нужно было успеть проверить колодец и запустить насос. Жанна, как белка, получившая орех, нырнула с пакетом в дом, а я тут же направился к маленькой пристройке.

Хорошо, что в прошлом году пришлось освоить нехитрую систему водоснабжения. Не было худа без добра. Доведись мне сейчас разбираться во всех тонкостях подключения «Родничка» к бойлеру, ужин, скорее всего, пришлось бы устраивать утром, и Жанна точно пропала бы еще на год или больше.

Избитое выражение, но жизнь все же странная штука. Вначале, когда ты на коне, вокруг вертятся толпы людей.

Каждому что-то нужно, каждый что-то может предложить. Ты, не разделяя на «дальних» и «близких», варишься день за днем среди них. Думаешь, что так и нужно. Активно махая руками, плывешь по течению.

Потому, когда жизнь поворачивается филейным местом – все меняется. Знакомые по-прежнему рядом. Тянут руки помощи. Отводят глаза, но все еще предлагают и просят. Для них ежедневный процесс не прерывается. Они живут своими жизнями, и только тот, чья боль сродни твоей, может помочь по-настоящему. Вначале через сопротивление, потом через тихое безмолвное присутствие.

Наверное, я и под гипнозом не вспомню, чем кормила меня тогда Жанна, и как ей вообще удавалось что-либо в меня впихнуть. Я даже не вспомню, кто из нас убирал в квартире и платил по счетам. Но не еда и быт были главными. Мы были двумя тяжелобольными, которые по взгляду, по жесту понимали, что творится внутри... и дружно молчали об одном.

Поодиночке сходят с ума. Я был не одинок. Я не сошел. За это, если б понадобилось, нетяжело было и собственными руками вырыть колодец. Хоть пруд! И явиться по первому зову за тридевять земель – легко. Только платы никто не требовал. Жанна просто исчезла. Поняла, что клиент уже способен заботиться о себе сам, и растворилась.

Лишь теперь мне выпал шанс сделать что-то в ответ. Обеспечить водой – невелик подвиг, но до чего же было приятно ковыряться в стареньком насосном оборудовании.

Как я ни старался, а на все про все ушло больше получаса. Дождь уже хлестал вовсю, когда наконец удалось подключить колонку и с чистой совестью отправить Жанну проводить тест в душе. Вначале она, как и во время встречи, остолбенела, но потом мой суровый и промокший до нитки вид, видимо, добавил убедительности.

Не успел я доделать последние мелочи, спустя рекордных для женщины десять минут, завернутая от шеи до пят в белый пушистый халат она появилась в гостиной.

– Руслан, спасибо! – встретило меня улыбающееся облачко у порога. – После такого я просто обязана тебя накормить.

Я по-собачьи стряхнул с головы воду.

– Можно еще напоить. Желательно чем-нибудь горячим. Замерз, как бездомный Барбос, под этим дождем.

Жанна приснула со смеху. Совсем как девчонка, звонко, задорно, вызывая у меня улыбку от уха до уха.

– Горячим... Глинтвейн! Я могу сварить глинтвейн. Как раз сегодня обнаружила в коробке для чая корицу и бадьян.

– Отлично! Уже хочу.

– Значит, договорились, – она протянула руку и заботливо смахнула у меня со щеки каплю. – Иди пока отогревайся в душ. Одежду я тебе найду и положу на стул под дверью.

На миг мы словно перенеслись на полтора года назад.

Вновь забота и тепло. Отличие было в уровне боли. Сейчас она не сжигала изнутри. Угли все еще тлели, но, чтобы следовать приказам, не нужно было прикладывать титанических усилий.

– Слушаюсь, мэм.

Сказать было просто, а вот исполнить... В душе я быстро вспомнил, почему недолго любил дачу. Все здесь было прекрасно, и свежий воздух, и уютный интерьер, но душевая кабина не подходила мне вообще. Скорее всего она была рассчитана на хоббитов. Не представляю, как здесь мылась длинноногая Орлова. Мне приходилось пригибаться и сутулиться, чтобы влезли плечи.

О том, чтобы подвесить лейку и постоять несколько минут под горячими струями, не могло идти и речи. Отбив себе локти, намучившись с перемещением лейки вдоль тела, уже скоро я сдался. В гробу и то, наверное, было бы просторнее. Чтобы хоть немного освежиться, пришлось выбраться из кабины, и продолжить мытье, подставляя конечности по очереди.

К мытью головы на керамической плитке пола образовалось настоящее озеро. Еще немного, и вполне можно было принимать ванну. В довершение ко всем этим удовольствиям, стоило на миг приоткрыть дверь из ванной, чтобы забрать одежду, из кухни донесся аромат чего-то мясного, и мой желудок принялся громко требовательно урчать.

– Серебряков, ты когда ел последний раз? – спустя па-

ру минут, поставив передо мной тарелку, поинтересовалась Жанна. – На улице гремит тише, чем у тебя в животе.

– Не помню, – заглянув под крышку, соврал без зазрения совести. – Но тебя я сейчас точно могу объесть, так что накладывай себе первой.

В моей квартире к плите Орлова не подходила. Я был уверен, что блюда, которыми она меня пичкала, готовились профессиональными поварами и перед подачей лишь разогрелись в микроволновке. Разве могла королева радио марать руки готовкой? Однако что-то мне подсказывало, что жаркое, которое сейчас заставляло меня захлебываться слюной, было не из ресторана.

– Я не готовилась к приезду гостей, – Жанна взяла мою тарелку, – так что, прости, ничего более приличного приготовить не успела.

– Это ты сейчас на комплимент напрашивалась или прибивалась? – я честно не понял.

– Я... – Жанна заморгала. – Извинялась...

К странным сегодняшним ощущениям от ее домашнего, непривычного вида добавилось еще удивление поведением. Может мы стали слишком чужими за прошедший год?

– Тогда мне этой «неприличной» еды побольше. Аромат такой, словно я год ничего не ел.

Какое бы напряжение ни было между мной и Жанной в начале ужина, с каждым съеденным кусочком оно уменьшалось. Когда мой желудок наконец умолк, Орлова уже улыбалась и даже шутила.

– Я так удивилась, что нет воды, – рассказывала она о своих приключениях, – что вначале не поверила. Стояла возле умывальника и все смотрела на него, смотрела.

– Ну, ты с ним не разговаривала, так что все не совсем запущено.

– Наверное, если бы сил было больше, мы бы и поговорили. Но я вечером приехала, глаза слипались.

– Я виноват, – я отправил в рот сочный кусок мяса и запил обжигающе перченым глинтвейном. – Из головы вылетело, что в прошлом апреле уже было похожее отключение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.